

Городское фэнтези

Тайна старого чердака

Скачков Е. А.

Евгений Скачков

Тайна старого чердака

<https://litres.ru/74506098>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом доме на окраине сибирского городка живёт девочка Эвелина. Однажды она находит на чердаке необычную книгу, которая открывает двери в миры, скрытые от обычных людей. Вместе с загадочным проводником Лиром ей предстоит пройти испытания, встретиться со своими страхами и понять, что настоящая магия — это не только чудеса, но и ответственность за свои поступки.

Евгений Скачков

Тайна старого чердака

Жанр:

Городское фэнтези

Название книги

Тайна старого чердака

Пролог

Старый дом на самой окраине сонного городка, где кривые улочки упирались в непролазный ельник, не просто хранил секреты — он дышал ими. Он врос своими прогнившими сваями в сырую землю так глубоко, что казался естественным продолжением леса, его мрачным и молчаливым стражем. Ветер здесь никогда не выл по-настоящему: он бесильно цеплялся за покосившуюся черепицу, скатывался по замшелой крыше и оседал в печной трубе низким, утробным стоном.

Его скрипучие половицы шептали истории минувших лет не только когда на них наступала нога человека, но и в мертвой ночной тишине. Они жаловались друг другу на сквозня-

ки, вспоминали тяжесть давно истлевших сапог и эхо шагов тех, кто покинул этот мир десятилетия назад. А окна, затянутые серой, похожей на старую марлю паутиной, словно прятали от посторонних глаз то, что не стоило видеть. За мутными, волнистыми от времени стеклами свет преломлялся причудливо и тускло, превращая обычную гостиную в подводную пещеру, где тени жили своей собственной, пугающей жизнью. Дом принадлежал семье Эвелины уже несколько поколений, передаваясь из рук в руки не как недвижимость, а как тяжёлое родовое проклятие или бесценное наследство. И каждый, кто в нём жил, знал с самого рождения: чердак — место особенное.

Туда редко поднимались даже взрослые, предпочитая хранить хлам в сених, а если и поднимались, то ненадолго, стараясь дышать через раз. Слишком уж там было пыльно — воздух стоял плотной золотой взвесью, забиваясь в легкие едким запахом сухой полыни, нафталина и чего-то сладковато-гнилого, похожего на запах старых грибов. Слишком темно — единственный слуховой проём под самым коньком крыши был наглухо забит досками снаружи, превратив помещение в склеп. И слишком как будто... чуждо. Там физически ощущалось присутствие кого-то четвертого. Воздух менял плотность, становился густым и вязким, давил на плечи невидимой ладонью, заставляя лампадки гаснуть, а карманные часы — идти вспять. Старики поговаривали, что стро-

пила там сложены из осины, которая помнит крики раскулаченных предков, и дерево до сих пор тихо плачет смолой.

Бабушка Эвелины, чьё лицо напоминало высохшую грецкую скорлупу, часто говорила, помешивая варенье серебряной ложечкой: «Чердак помнит всё. Каждую пролитую слезу, каждое невысказанное слово, каждую тайную молитву. Но не каждому он готов это показать. Большинству он лишь вывернет душу наизнанку, показав их собственные страхи».

Эвелина, девочка двенадцати лет с любопытными глазами цвета болотной воды и вечно сбитыми коленками, всегда слушала эти слова с замиранием сердца, придвигаясь ближе к старому креслу. Ей казалось, что бабушка говорит о спрятанном кладе, о сундуке с фамильными драгоценностями или древней волшебной палочке. Ей чудилось, что где-то там, среди разошедшихся дубовых сундуков, стопок пожелтевших газет со сводками времён Гражданской войны и манекенов без голов, прячется настоящая магия. Не та, что показывают ярмарочные фокусники, а древняя, первородная сила, способная переписать саму судьбу. Та самая магия, из-за которой её прадед исчез ровно в полночь полнолуния, оставив после себя лишь недопитый стакан чая.

Годы шли, бабушкины сказки становились всё туманнее, а замок на тяжелой люковой двери — всё более ржавым. Но

чем старше становилась Эвелина, тем сильнее сгущалась эта запретность. Запрет плодил фантазию, пока реальность дома не начала трещать по швам. Обычная пыльная кладовка в её воображении превратилась в портал, порог между мирами, охраняемый дремлющим чудовищем из древесной пыли и лунного света.

И однажды душным июльским вечером, когда луна висела над еловым лесом огромным, болезненно-желтым фонарём, она решила: хватит ждать разрешения. Хватит слушать намёки. Если чердак выбирает, кому открыться, пусть он выберет её. Она больше не ребёнок, чтобы бояться скрипа собственных шагов.

Она спустилась в холодный погреб, долго копошилась в ящике с инструментами, пахнувшими машинным маслом, и нашла тяжёлый амбарный ключ. Его железо было ледяным, хотя весь день стояло пекло. Поднялась обратно, прижимая холодную сталь к груди, прошла через уснувший дом, чувствуя, как старые стены провожают её неодобрительным взглядом. Остановившись перед приставной лестницей, уходящей во тьму, Эвелина сделала глубокий вдох. Пахнуло сыростью и озоном, словно перед грозой.

Её тонкие пальцы коснулись шершавого дерева ступеней. Первая ступенька предательски застонала под кроссовком,

прорезая тишину дома отчаянным визгом. Эвелина замерла, прислушиваясь. Старый дом вздохнул — тяжело, протяжно, словно великан перевернулся во сне. Где-то внизу, в фундаменте, что-то глухо щелкнуло, просыпаясь. Замок поддался не сразу — механизм заржавел настолько, что металл крошился под пальцами. Девочка надавила на крышку плечом. Люк дрогнул, посыпалась вековая труха, и в узкую щель ударил столб густой, почти осязаемой темноты, внутри которого кружились в медленном танце мириады золотых пылинок.

Из проёма повеяло не просто пылью. Повеяло временем. Настоящей, концентрированной вечностью, у которой есть свой собственный, едва уловимый вес.

— Ну же, покажись, — прошептала Эвелина в темноту, делая шаг вверх. — Я пришла сама.

В ответ с чердака не раздалось ни звука. Тьма лишь плотнее сомкнула свои объятия, втягивая девочку внутрь, как огромная беззубая пасть, отрезая путь назад гулким ударом захлопнувшейся крышки. Лестница медленно поползла вверх сама по себе, скрываясь в темноте вслед за ней.

Глава 1. Запретный чердак

Утро выдалось солнечным и звонким до неестественной,

звнящей в ушах чистоты. Казалось, сам воздух был соткан из хрусталя — прозрачный, холодный и хрупкий. Птицы щебетали так громко, с таким отчаянным, почти механическим надрывом, будто хотели не просто разбудить весь мир, а буквально вытряхнуть его из теплой постели, сорвать покровы сна и обнажить то, что обычно прячется за дневной суетой.

Эвелина проснулась раньше обычного, когда бледная акварель рассвета только начала заливать стены её комнаты, потому что знала: сегодня идеальный день для большого открытия. Не просто удачный, а единственно верный. Ветер стих окончательно, превратившись в абсолютную, ватную тишину, которая всегда бывает обманчивым затишьем перед бурей или чудом. Родители уехали по делам ещё вчера вечером, их машина давно скрылась за поворотом на федеральную трассу, оставив после себя лишь запах остывающего асфальта. Бабушка хлопотала на кухне, яростно греметь медными тазами для варенья и напевая под нос старую революционную песню. Глухота была бабушкиной верной союзницей — она надежно отсекала любые звуки извне, а значит, никто не заметит, если Эвелина исчезнет из дома на час или два.

Она оделась быстро, стараясь даже дышать тише. Натянула старые джинсы, которые совсем не жалко порвать о ржавые гвозди, и фланелевую рубашку поверх футболки. На-

кинула капюшон толстовки, пряча любопытные глаза. Сердце колотилось где-то в самом горле, отдаваясь пульсацией в висках, но это был не страх. Это было предвкушение — густое, сладкое, похожее на предчувствие грозы, когда волосы начинают едва заметно потрескивать от статического электричества.

Она прокралась к узкой лестнице, ведущей на чердак. Та пряталась в дальнем углу коридора второго этажа, замаскированная выцветшим гобеленом с оленями. Дерево ступеней казалось живым. Они скрипели под тяжестью девочки не просто от старости — они стонали протяжно, низко и осмысленно, словно предупреждали каждым своим вздохом: «Не ходи туда. Там нет ничего, кроме твоей гибели». Но Эвелина только крепче сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы. Боль отрезвляла и заземляла. «Я не трусишка», — повторяла она про себя как мантру, механически переставляя ноги одну за другой. — «Трусишки спят до обеда и боятся собственной тени. А я должна знать».

На чердаке пахло пылью, старыми книгами, сухой лавандой, которую бабушка клала в сундуки от моли, и чем-то ещё — металлическим, кисловатым запахом, который бывает в старых часовой мастерских. Лучи солнца пробивались сквозь щели в рассохшейся дранке крыши, прошивая густой сумрак плотными, почти материальными столбами света. В

этих столбах кружилась взвесь — прах десятилетий, чешуйки старой краски, высохшие крылья мотыльков. Свет рисовал на полу золотые квадраты, превращая заброшенный склеп в сказочный собор.

Эвелина замерла на верхней ступеньке, давая глазам привыкнуть к полумраку, и медленно огляделась. Пространство оказалось куда больше, чем можно было предположить снизу. Повсюду стояли картонные коробки, перевязанные бечевкой, покрытые толстым слоем серого войлока; висели старинные пальто с меховыми воротниками на бесформенных деревянных плечиках, напоминая висельников; громоздился ткацкий станок, чей каркас оплела седая паутина, похожая на саван. А в самом темном углу, там, куда солнечные лучи отказывались заглядывать, примостился массивный дубовый сундук с потемневшей от времени бронзовой оковкой. Он выглядел здесь инородно — слишком тяжёлый, слишком ухоженный, слишком... ожидающий.

Девочка сделала шаг вперёд. Старая доска под ногой предательски взвизгнула. Эвелина похолодела и вжалась в стену, прислушиваясь. Снизу, с кухни, тут же раздался бодрый голос бабушки: «Где соль? Я кладу три ложки! Кто трогал солонку?!» Голос звучал раздраженно, но абсолютно обыденно. Взрослый мир жил своей жизнью, надёжно запертый внизу бытовыми проблемами. Выдохнув, Эвелина двинулась

дальше, скользя вдоль стен, чтобы распределить вес.

Она медленно подошла к сундуку. От него веяло сухим жаром, хотя дерево на ощупь было ледяным. Замок оказался огромным, амбарным, покрытым зеленоватой патиной. Девочка осторожно коснулась холодного металла кончиками пальцев, готовясь услышать пронзительный лязг железа. И замок щелкнул неожиданно легко, мягко, с глухим бархатным звуком упавшей в воду монеты. Дужка отошла сама собой, без малейшего усилия, будто ждала именно этого прикосновения десятилетиями, копя силы для одного-единственного движения. Петли, которым на вид было лет сто, даже не скрипнули.

Внутри лежало прошлое семьи, аккуратно сложенное слоями. Поверх всего покоились стопки потрёпанных фотографий в картонных рамках: пожелтевшие лица людей с суровыми взглядами смотрели прямо ей в душу. Под ними — несколько писем, перехваченных выцветшей атласной лентой. Чернила на конвертах поблекли до цвета чайной розы, адрес был выведен каллиграфическим почерком, какого уже не встретишь. Эвелина бережно перебирала сухие, ломкие листы, боясь, что они рассыплются в труху от одного дыхания.

А глубже, на самом дне, среди пересыпанных сухими ле-

пестками роз лоскутов бархата, лежала книга.

Книга была не похожа на обычные предметы этого мира. Она не собирала на себе пыль — ее темно-синяя поверхность оставалась матово-чистой, отталкивая время. Её обложка переливалась глубокими оттенками синего, фиолетового и черного, словно впитала в себя цвет ночного неба сразу после заката, когда первая звезда уже упала, а последняя полоска зари ещё горит на горизонте. Материал казался одновременно и мягкой кожей, и гладким шелком, и холодной сталью. На переплёте не было названия, только странный, пульсирующий узор — будто сплетение звёзд, древних рун и линий магнитного поля, которые медленно перетекали друг в друга, меняя конфигурацию, стоит лишь слегка отвести взгляд.

Эвелина осторожно, двумя пальцами, коснулась обложки в центре переплетения линий. Воздух вокруг её руки едва заметно дрогнул, пошёл рябью, искажая перспективу. Пальцы будто слегка покалывало тысячей крошечных иголочек, кожу грело изнутри приятным, уютным теплом, которое тут же сменялось прохладой родниковой воды. Ощущение было настолько явственным, что сомнений не осталось: книга была живой. Она дышала. Она слушала её прикосновение, сканируя отпечатки пальцев, проверяя право на доступ.

Не раздумывая ни секунды, подчиняясь какому-то древнему инстинкту, который оказался сильнее страха и здравого смысла, девочка обхватила книгу обеими руками. Она оказалась тяжелой, неправдоподобно плотной, словно внутри скрывался не бумажный блок, а цельный кусок свинца или застывшая молния. Прижав её к груди, чувствуя, как тепло фолианта проникает сквозь тонкую ткань рубашки прямо к сердцу, Эвелина закрыла крышку сундука. Бронза замка снова щёлкнула — на этот раз требовательно и глухо, запечатывая пустоту внутри.

Но прежде, чем она успела сделать шаг назад, золотистый квадрат солнечного света на полу внезапно померк. Один за другим световые столбы начали тускнеть, всасываясь обратно в щели крыши. Температура на чердаке рухнула градусов на десять мгновенно — изо рта Эвелины вырвалось облачко пара. Тени от коробок, секунду назад бывшие плоскими и неподвижными, вдруг ожили. Они задвигались, поползли вверх по стенам, стеклись к центру потолка и начали медленно, тягуче свиваться в тугой, вращающийся против часовой стрелки жгут. Книга в руках Эвелины стала невыносимо горячей, обжигая грудь сквозь одежду, и тихо, на грани слышимости, завибрировала, издавая низкий гул, совпадающий с частотой биения её собственного сердца. Из-под закрытой крышки сундука тонкой струйкой потянулся сизый дымок, пахнувший озоном и сгоревшими осенними листьями.

— Ты выбрала, — прошелестел со всех сторон сразу голос, которого не могло существовать. Он не имел пола, возраста или эмоций, он состоял из шуршания миллиардов книжных страниц. — Теперь она выбрала тебя.

Солнечный свет погас полностью. Чердак погрузился в абсолютную, первобытную темноту, в которой единственным источником сияния оставался загадочный фолиант в руках дрожащей от ужаса и восторга девочки. Линии на обложке вспыхнули ядовито-бирюзовым светом, освещая лицо Эвелины мертвенным, неземным цветом. Мир снаружи, яркий и птичий, перестал существовать.

Глава 2. Первая страница

Дома, в своей комнате, залитой привычным полуденным светом, Эвелина устроилась на кровати, поджав под себя ноги и плотно задёрнув шторы. Сердце всё ещё колотилось о ребра после спуска с чердака, а ладони слегка дрожали от пережитого холода. Она положила книгу на колени, накрыв её старым стеганым одеялом, словно пыталась согреть или спрятать от посторонних глаз тяжелое, дышащее существо.

Книга не сопротивлялась, но излучала едва уловимое недовольство — она была существом ночи, сумерек и закрытых пространств, и яркий солнечный свет комнаты казался

ей оскорбительным. Эвелина глубоко вдохнула запахи родного дома: хлорки от вымытого бабушкой пола, свежих щей из-под двери и пыли со старого комода. Эти бытовые ароматы должны были успокоить её, вернуть в безопасную реальность, но они лишь подчеркивали чужеродность того, что лежало сейчас под её пальцами.

Она осторожно, затаив дыхание, перевернула плотную, холодную обложку. Страницы оказались тонкими, почти прозрачными, как тончайшая рисовая бумага или крыло высушенной цикады. Они не шуршали при касании, а издавали тихий, мелодичный звон, похожий на звук лопающихся пузырьков газа в стакане с минералкой. Чернила, которыми был нанесён рисунок, тоже не имели ничего общего с обычными — это был не углеродный порошок, а тёмно-синие, мерцающие гранулы, которые пульсировали в такт медленному, глубокому дыханию самой книги. Казалось, если присмотреться, можно увидеть, как внутри каждой буквы перетекает вязкая звездная плазма.

На первой странице не было текста. Никакого посвящения, никакого оглавления. Только один-единственный рисунок, выполненный с пугающей трехмерной точностью. Маленькая девочка стояла перед огромной дверью из почерневшего дуба, усеянной шляпками кованых гвоздей в виде черепов воронов. Дверь была настолько массивной, что уходи-

ла далеко за верхний край страницы, теряясь в бесконечности. А над ней, в нарисованном небе, кружились звёзды. Это была не статичная иллюстрация — созвездия действительно медленно вращались по своим невидимым орбитам, складываясь то в ковши, то в причудливых химер.

Эвелина заворуженно провела пальцем по рисунку, повторяя изгиб крыши домика на заднем плане. Бумага под подушечкой пальца оказалась теплой и упругой, совсем не похожей на картон.

И вдруг линии зашевелились.

Это произошло беззвучно и стремительно. Сначала дрогнул горизонт, затем древесные волокна на нарисованной двери поплыли, как воск над огнём. Звёзды ускорили свой танец, сливаясь в сплошные серебристые полосы, дверь протяжно, тягуче застонала несмазанными петлями и начала приоткрываться внутрь. Между створками образовалась узкая, осязаемая щель абсолютной темноты, которая пахла совершенно неуместно для плоской бумаги — влажным мхом, прелой листвой, озоном и близким летним дождём. Из этой щели вырвался лёгкий, физически ощутимый ветерок. Он взъерошил челку Эвелины, прошелся ледяной волной по шее и заставил пламя маленькой свечи на прикроватной тумбочке испуганно затрепетать, отбросив на стены гигантские,

пляшущие тени.

Девочка отпрянула назад, больно ударившись затылком о деревянное изголовье кровати. Одеяло сползло на пол, обнажив пульсирующую синюю обложку. Книга довольно вздохнула, выпустив облачко синеватой пылицы. Страх ударил под дых, холодный и липкий, приказывая немедленно захлопнуть фолиант, бросить его в самый дальний угол шкафа и никогда больше не вспоминать о чердаке. Но любопытство оказалось сильнее инстинкта самосохранения. Оно всегда жило в ней этим назойливым зудом, который невозможно почесать, пока не узнаешь правду.

Она снова посмотрела на страницу, заставляя себя дышать ровно.

Там больше не было рисунка. Деревянная дверь, звезды и маленькая фигурка исчезли без следа, оставив девственно-чистый пергамент. Теперь там был текст. Буквы сложились в слова мгновенно, стоило её взгляду скользнуть по строчкам. Они не просто стояли на бумаге — они выткались прямо из воздуха, собираясь из мерцающих синих искр. И самое жуткое заключалось в том, что читала их не Эвелина. Слова сами звучали у неё в голове, минуя глаза, вкладывая смысл напрямую в сознание мягким, бархатным, гипнотическим голосом:

«Тот, кто откроет эту книгу, увидит мир, скрытый от других. Мир, где время течёт вспять, а тени имеют плотность камня. Но помни: магия не терпит легкомыслия. У неё острые зубы и длинные руки. Каждый шаг имеет цену, и счёт будет предъявлен в ту же секунду, когда ты решишь сделать выдох».

Эвелина вздрогнула так сильно, что пружины старой кровати жалобно скрипнули. Текст продолжал проступать дальше, уже без всякого предупреждения:

«Цена первого шага — память. Цена второго — кровь. Цена третьего...»

Слова оборвались, оставляя в сознании зияющую, звенящую пустоту. Девочка судорожно сглотнула. Слова звучали так, будто их произнёс кто-то невидимый, стоящий прямо за её спиной. Голос дышал ей в затылок, обдавая шею могильным холодом. Каждое слово отдавалось вибрацией в корнях зубов.

Она резко, рывком обернулась, схватив со столика тяжёлую латунную расческу.

В комнате никого не было. Никого живого.

Пузырьковый аквариум в углу тихо булькал, отсчитывая секунды. Старый плюшевый медведь сидел в кресле, повернув пуговичные глаза точно на книгу. По стенам действительно плясали солнечные зайчики, пробившиеся сквозь неплотно закрытую штору, но теперь они вели себя странно. Они не хаотично прыгали от проезжающих машин. Один большой, идеально круглый блик света завис прямо над правым плечом Эвелины, не двигаясь ни на миллиметр, и пульсировал в такт биению её сердца. Другой медленно полз по полу, описывая идеальный полукруг вокруг ножек кровати, замыкая её в невидимую ловушку.

Воздух стал густым и тяжёлым, им стало трудно дышать. Книга на коленях стала невыносимо горячеей, словно раскаленная сковорода. Эвелина попыталась разжать пальцы, чтобы сбросить её на пол, но мышцы свело судорогой. Фолиант буквально прирос к ладоням, намертво сплавившись с кожей синим, нездоровым свечением.

— Кто здесь? — голос девочки сорвался на сиплый шёпот.

Тишина ответила ей низким, утробным гулом, идущим откуда-то из-под пола, из самых недр старого фундамента дома. В этом гуле слышался скрежет камней и далекий, нечеловеческий смех.

Внезапно книга дернулась, пытаясь соскользнуть с колен. Эвелина вскрикнула и инстинктивно прижала её к себе крепче, защищая. В тот же миг синий огонь, связывающий её руки и обложку, погас. Навалилась такая слабость, что потемнело в глазах — магия выпила тепло не только из комнаты, но и из её тела, оставив после себя привкус железа во рту и звенящую пустоту в груди.

Когда зрение прояснилось, текст на открытой странице изменился вновь. Рисунки и философские предостережения исчезли. Теперь на бумаге мелким, убористым почерком, точь-в-точь напоминающим бабушкины записи в кулинарной книге, был выведен список:

Первое правило: не называй своего имени вслух. Второе правило: никогда не оставляй книгу одну в темноте. Третье правило: если услышишь свое имя из зеркала — не отвечай. Четвёртое правило: Плати сразу. Время ожидания аннулирует сделку.

Последняя строка ещё не успела закончиться, как ручка окна сама собой со скрипом пошла вниз. Летний сквозняк ворвался в комнату, швырнув в лицо Эвелине горсть сухих листьев и песка. Штора взметнулась вверх, приняв очертания человеческой фигуры с капюшоном, и тут же опала бес-

форменной тряпкой.

Книга снова дернулась, настойчиво толкаясь в живот. Эвелина опустила взгляд. На чистом поле внизу страницы, прямо поверх правил, начали проступать новые, ярко-красные, словно написанные свежей кровью, буквы. Они появлялись одна за другой, с паузами, давая время прочитать:

«Правила написаны не для тебя. Ты — не читатель. Ты — ключ».

Глава 3. Голос в тишине

Той ночью Эвелина долго не могла уснуть. Она лежала на спине, закинув руки за голову, и смотрела в потолок, где плясали тусклые отблески уличного фонаря. Обычная комната казалась чужой и враждебной. Каждая тень от стула теперь напоминала сгорбленного хищника, а привычное тиканье настенных часов с кукушкой превратилось в метроном, отсчитывающий секунды до чего-то неотвратимого.

Книга лежала на прикроватной тумбочке, накрытая плотной вязаной салфеткой — девочка пыталась обмануть саму себя, спрятав её от мира, но прежде всего от своих собственных глаз. Тонкая ткань не спасала. Сквозь хлопок Эвелина чувствовала, что фолиант тихо пульсирует, словно у

него есть собственное сердце — медленное, древнее, бьющееся в совершенно ином ритме, чем человеческое. С каждым ударом по комнате расходилась едва уловимая волна вибрации, из-за которой вода в стакане мелко подрагивала, а зубная щетка в стаканчике тихонько позвякивала о стекло. Этот ритм проникал прямо в кости черепа, вызывая тупую, ноющую боль в висках.

Наконец, когда дом окончательно затих, провалившись в тяжелую, свинцовую дрему, а старые часы на кухне пробили первый удар полуночи, реальность дала трещину.

Эвелина услышала шёпот.

Он возник не извне. Звук просто проявился внутри её собственного сознания, вытеснив мысли.

— Ты готова узнать правду?

Голос был мягким, обволакивающим, похожим на тёмный бархат или густой черничный сироп, но в его глубине чувствовалась колоссальная, давящая сила горного хребта. Он доносился не из пыльного угла комнаты, не из-под кровати и не из-за двери — он звучал непосредственно в центре её разума, заставляя барабанные перепонки вибрировать в такт словам.

Эвелина резко села на кровати, машинально подтянув колени к груди и обхватив их руками, пытаясь стать меньше, незаметнее. Простыня соскользнула, обнажив босые ноги. Сердце пропустило удар, а затем забилось в горле, мешая вдохнуть.

— Кто ты? — прошептала она пересохшими губами. Её собственный голос показался ей жалким писком мыши рядом с этим шепотом.

— Я — хранитель этой книги, — без промедления ответил невидимый собеседник. В его интонациях не было удивления или раздражения, лишь спокойная констатация факта. — Меня зовут Лир. Я ждал того, кто сможет её прочесть. Ждал очень долго. Триста сорок два года, если считать по вашему календарю.

Имя прозвучало странно: оно состояло из шелеста сухих листьев, скрежета льда по стеклу и далекого эха колокола. Оно не имело букв, но мозг Эвелины сам перевёл эту вибрацию в понятное «Лир».

— А что это за книга? — спросила Эвелина, стараясь, чтобы голос не дрожал, и намеренно громко сглотнула, пытаясь вернуть себе ощущение контроля над собственным телом.

— Что там написано? Почему бабушка никогда...

Она осеклась. Спрашивать о бабушке существо из чердака было слишком опасно.

— Это путеводитель по мирам, скрытым за гранью твоего, — прошелестел Лир. Шепот стал чуть ближе, прохладнее, словно температура в комнате упала ещё на несколько градусов, и изо рта девочки вырвалось облачко пара. — В ней записаны истории, которые нельзя рассказать обычным языком, ибо слова смертных слишком грубы для описания вечности. Они рвут саму ткань бытия. Каждая страница — это дверь. Не метафора, а настоящий физический портал. Но открыть её может только тот, чьё сердце чисто от корысти, а намерения сильны настолько, чтобы выдержать встречный поток времени.

Эвелина прикусила губу до крови. Металлический привкус во рту немного отрезвлял. Чистое сердце? Она вспомнила, как вчера украла из буфета последнюю шоколадную конфету, которую мама берегла к празднику, и солгала, что её съела кошка. Пульсация книги на тумбочке мгновенно усилилась, став почти болезненной, словно Хранитель услышал её мысль.

— А я смогу? — выдохнула она. Вопрос сорвался сам со-

бой, выдавая её страх перед собственной ничтожностью.

Лир рассмеялся. Смех этот не имел ничего общего с человеческой радостью; он не содержал ни капли веселья. Так ветер проходит сквозь голые ветви зимнего леса, так осыпается песок в древних гробницах. Тихо, меланхолично и бесконечно одиноко.

— Ты уже смогла, — мягко напомнил он. — Книга приняла тебя сегодня днём. Если бы твои помыслы были замараны злом, страницы сожгли бы тебе ладони до костей при первом же прикосновении. Ты открыла замок сундука, который не поддавался взрослым мужчинам. Ты вынесла её из царства пыли, не потеряв рассудок. Теперь вопрос в другом: хватит ли у тебя смелости пройти до конца?

— До какого... конца? — Эвелина сжалась ещё сильнее, пряча лицо в коленях.

— У каждой дороги есть финал, маленькая искра, — голос Лира изменился. Из доверительного он стал официальным, жестким, приобретая металлический лязг. — Путеводитель не работает в одну сторону. Чтобы шагнуть туда, нужно оставить залог здесь. Первая дверь открывается легко, цена входа всегда символична. Но каждая следующая будет требовать всё больше. Магия этого мира питается балансом.

За знание платят памятью. За силу — годами жизни. За спасение близкого — частью своей души. Ты хочешь перевернуть вторую страницу?

Эвелина замерла. На тумбочке раздался громкий, требовательный щелчок — сработала металлическая застёжка ремешка, хотя девочка была уверена, что оставила книгу открытой. Фолиант захлопнулся сам собой, запечатав синий свет внутри.

— Я хочу знать, что случилось с моим прадедом, — внезапно выпалила она. Мысль пришла сама, прорвавшись сквозь липкий ужас. Страх отступил перед жгучей семейной тайной, которая мучила их семью десятилетиями. — Он исчез в этом доме в ночь полнолуния пятьдесят лет назад. Бабушка говорит, что он просто ушёл. Но вещи остались на стуле, а чайник был горячим. Я видела его фотографию. Он смотрел на меня со стены весь сегодняшний ужин. Скажи мне, какая цена за ответ на этот вопрос?

В комнате повисла звенящая пауза. Даже старый дом перестал дышать, замерев вместе со сквозняками. Казалось, само время остановилось, прислушиваясь к дерзости маленькой девочки.

Шепот Лира вернулся, но теперь он звучал не в голове.

Он исходил от самой книги. Застежка снова щелкнула, и обложка медленно, дюйм за дюймом, начала открываться сама по себе, движимая невидимой рукой. Салфетка сползла на пол. Страницы начали стремительно перелистываться одна за другой с сухим треском, пока не замерли где-то в середине тома.

— Цена за истину о крови всегда измеряется кровью, — произнёс Хранитель, и в его голосе впервые послышалась нотка сожаления. — Но поскольку твоя кровь принадлежит этому роду, мы можем договориться иначе. Тебе не придется платить сейчас. Пока что. Открой страницу двести двенадцать самостоятельно. И принеси мне то, что лежит под половицей в ногах твоей кровати. То самое, что твой отец спрятал там прошлой весной, думая, что никто не слышит его ночных слёз. Медальон твоей матери. Принесешь его — и увидишь, куда именно сделал свой последний шаг твой прадед.

Эвелина подняла голову. Взгляд её упал на собственную кровать. Старый паркет в том месте, где обычно стояли её пятки, действительно выглядел чуть более выпуклым и свежим, чем остальной вытертый узор. Отец плакал? О медальоне? Эта новость оглушила её не меньше, чем говорящая книга.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Я знаю всё, что знает бумага, к которой прикасались руки твоих предков, — ответил Лир. — Я — память этого дома, заключённая в переплёт. Решай, Эвелина. Дверь открыта. Но учти: сделка считается скреплённой в ту секунду, когда твои пальцы коснутся половицы. До этого момента ты можешь просто закрыть глаза и уснуть. Утром книга покажется тебе обычным старым блокнотом, а моя речь — дурным сном. Выбирай. Вечность или забвенье?

Из открытого разворота книги потянуло ледяным ветром, в котором явственно пахло озером, туманом и мокрым металлом. Где-то глубоко внизу, в нарисованном пейзаже, мелькнул огонек одинокого фонаря. Он манил, обещая ответы на все вопросы разом.

Эвелина медленно спустила ноги с кровати. Босые ступни коснулись ледяных досок пола. Холод обжег кожу, но она, не обращая внимания на мурашки, сделала шаг к тумбочке. Протянула руку. Пальцы зависли в миллиметре от мерцающей синей обложки.

— Хорошо, — сказала она в пустоту комнаты. — Я согласна.

Как только слово было произнесено, книга вспыхнула ярким ультрамариновым светом, залив комнату цветом бездны. Занавески взметнулись к потолку, аквариум лопнул беззвучно, осыпав ковер осколками стекла и рыбками, застывшими в воздухе, а половица под ногами Эвелины с громким хрустом откинулась вверх, обнажая темную дыру тайника. Слово стало законом. Сделка вступила в силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.